

Г.В. Горнова

Омский государственный педагогический университет

Переживание города

09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры

А

В статье рассматривается аксиологическая сфера города, выраженная в форме переживания города и обретения смысла человеком. Переживание города трактуется как бытийная форма жизненного и культурного освоения и присвоения города, как процесс перехода в субъективный внутренний мир человека объективированных форм проявления сущности города в процессе функционирования системы «человек–город».

Исследования переживаний занимают достойное место в классической философской традиции. Собственно термин «переживание» употребляется редко, но его содержание присутствует в гносеологических исследованиях, что связано с тенденцией расширения и углубления понятия опыта. Само слово «переживание» появилось только в XIX в., но его значения раскрывались другими понятиями: страсти, аффекты и др. [1. С.104]. Антропологический дискурс переживаний предпринимался в попытке понять человека в его целостности и полноте. В гносеологическом аспекте они изучались для освоения всего содержания опыта, так как переживание является одним из его базовых оснований. В современной городской антропологии гносеологический аспект переживания является наименее изученным.

Гносеологическая традиция восходит к сенсуализму, в частности, Д. Локк занимался поисками истоков человеческого знания, содержащихся не только во внешнем, но и во внутреннем опыте, затем продолжается в философии жизни, интуитивизме, прагматизме, позитивизме, экзистенциализме. Интуиция, по мысли А. Бергсона, как вид интеллектуальной симпатии, не стремясь заменить интеллект, схватывает целостность действительности, компенсируя отсутствие точности непосредственностью. Интуиция нелогична, как нелогична симпатия, любовь. Алогичность не мешала Л. Фейербаху подчеркивать значение любви именно как понятия гносеологии: «Чего мы не можем полюбить, того нет», – и отмечать важность переживания в познании – чувство необходимо, так как оно обнаруживает сам предмет познания.

А.Н. Уайтхед считает, что объем понятия «опыт» должен быть расширен за счет включения в него «забытых уровней чувства», потому что именно в таком опыте, в переживании проявляется жизненная связь субъекта и объекта, без постижения которой невозможно дальнейшее познание действительности. Также он указывает на связь чувствования с высказываниями. По его образному выражению, высказывания образуют «приманку для чувствования» и могут приводить к новым перцептивным прозрениям, которых нельзя достичь на основе лишь чувственных данных. «Высказывания – это каналы, посредством которых в универсум вливается новизна» [2].

Х.-Г. Гадамер акцентирует внимание на двусторонности понятия переживания, с одной стороны, оно является последней данностью и основанием всякого познания, с другой стороны, оно неотделимо от самой жизни, так как включает человека в ее тотальность.

Переживание наиболее полно отражается не философией или психологией, а художественной литературой. «Сущность человека покоится в языке» [3. С.259], а субстанция литературы – язык и речь. В афористическом определении М. Хайдеггера языка как дома бытия говорится, что «в жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища» [3. С.192]. Они своей речью, одновременно, осуществляют открытость бытия и указывают на укорененность человека в бытии. Д.М. Федяев отмечает способность русской классической литературы «дать читателю *переживание* бытия, живое *впечатление* приобщения к нему» [4], и называет эту способность бытийным импрессионизмом.

Первичная рефлексия переживания: название явления, описание, указание на многозначность, нахождение многообразных смысловых связей, – выполняется художественной литературой, так как сам процесс переживания не опосредуется понятийно, дальнейшим познанием занимаются психология и философия.

Переживание – это «непосредственное внутреннее схватывание явления» [5], душевное состояние, эмоциональная напряженность которого превращает его в событие внутренней жизни человека, особый тип/форма активности, возникающая в критических жизненных ситуациях и ведущая к преобразованию внутреннего мира индивида.

В. Дильтей выделял переживание как конечную единицу сознания и подчеркивал, что «всякое переживание, как заполняющее какой-нибудь момент нашего существования, сложно» [6], поскольку в нем сплетены восприятие, представления, воспоминания, желания, волевые действия. Основными свойствами переживания являются: нерасчлененность субъект-объектных отношений при доминировании субъектного полюса; единство аффекта и интеллекта (эмоциональной и ценностно-смысловой составляющей); эмоциональная интенсивность; сопряженность с критическими жизненными ситуациями. Важно то, что когда человек характеризует некий факт своей внутренней жизни как переживание, это указывает на укорененность этого факта в индивидуальной реальности личности.

В. Джеймс в фундаментальном труде «Многообразии религиозного опыта» наиболее полные и законченные формы религиозных переживаний находит в «человеческих документах»: автобиографиях и литературном творчестве людей с развитым религиозным самосознанием. Представляется возможным воспользоваться подобным методом и для исследования субъективного отношения человека к городу, для осмысления того, как городское бытие «выговаривает» себя в текстах, а для этого обратиться к произведениям художественной литературы, в которых поэты, писатели и от собственного имени, и от лица персонажей высказывают свое отношение к городу, найти свидетельства неоднозначности этих отношений в беллетристике, в возрождающемся ныне жанре путевых заметок, в мемуарной прозе. Изобразительное искусство тоже способно свидетельствовать о городских переживаниях. В данном случае, для исследования городской жизни значимы лишь те переживания, которые предметно или содержательно связаны с городом, с ситуациями и событиями городской жизни.

Переживание города – есть особая бытийная форма жизненного и культурного освоения и присвоения города, в которой осуществляется процесс перехода в субъективный внутренний мир человека объективированных форм проявления сущности города. Универсальная способность переживания преломлять в себе значимые смыслы и отношения позволяет выстраивать в сознании (и бессознательном) горожанина соотношение «человек–город».

Философское исследование переживаний трудное и зачастую неблагодарное занятие, поскольку традиционно неизменную истину отделяют от изменчивых мнений, приоритет отдается исследованию универсального, а не индивидуального, поддерживается стремление к описанию мира сверхчувственной абстракцией, так как чувственное постижение мира слишком субъективно и скорее скрывает единство сущего, чем указывает короткий путь к его постижению. Кроме того, возникают трудности при вычленении самого переживания, дифференциации его от других эмоционально окрашенных состояний: предельных ощущений, чувств, страстей.

Город как предмет переживания, с одной стороны, характеризуется рядом свойств, которые облегчают познание процесса переживания города и, с другой стороны, придают исследованию переживаний достаточную степень объективности. Во-первых, город обладает «устойчивостью», он не сиюминутен, и своей «длительностью» превосходит переживающих его людей. Во-вторых, он дает повод для переживаний, так как представляет собой совокупность событий: в нем всегда что-то происходит. В-третьих, переживания города находят свое отражение в искусстве и могут быть соотнесены с их предметом.

Предметом переживания может быть как реальный город, так и не существующий в действительности. *Идеальный город* так же напряженно переживается человеком. Разновидностями идеального города являются: город-мечта, город воспоминаний, город, созданный или преобразенный творческим воображением писателя, художника и др. Город-мечта может быть изначально вымышленным как, например, города А. Грина: Лисс, Зурбаган, Гель-Гью – в этом случае, человек изначально знает, что попасть в этот город невозможно просто по определению – его нет, но это не освобождает читателя от щемящего чувства тоски, возникающего при сравнении этого романтизированного образа с повседневностью, на которую он обречен. Город может быть реальным, но уже прошедшей эпохи, и попасть туда тоже невозможно. Как правило, это касается тех городов, вклад которых в мировую культуру велик, и о существовании которых узнают еще в детстве из книг. А.Н. Уайтхед вспоминает о своих школьных впечатлениях так: «Афины – вот идеальный город, который на протяжении двух столетий показывал всему миру, какой должна быть жизнь. Не утверждаю, что наш образ соответствовал фактам, но он был гораздо больше, чем истина: он жил в нас. Афинский флот вместе с британским правил морями в нашем воображении» [7]. Мальчик, в котором «жил» образ идеального города, вряд ли удовлетворился бы поездкой в современные Афины, мысль об этом даже не приходила ему в голову.

Город, сохранившийся лишь в воспоминаниях, идеализируется человеком. Обычно это город детства, город, в котором прошла юность, и у человека он связан с воспоминаниями о счастливых периодах своей жизни, о времени, когда он был молод, ему все удавалось, было много надежд и казалось, что вся жизнь еще впереди. Город воспоминаний, безусловно, не совпадает с реально существующим городом.

Вымышленный город, созданный писателем, не обязательно им романтизируется и не обязательно является мечтой. Уайнсбург Ш. Андерсона, Джефферсон У. Фолкнера, например, представляют собой квинтэссенцию американской провинциальности и далеко не у каждого читателя будят желание попасть туда, но заставляют пристальнее вглядываться в жизнь маленьких заштатных городков и их обитателей и сравнивать со своей.

Надо отметить, что в образе идеального города отражаются, во-первых, особенности личности самого мечтателя и, во-вторых, особенности того места, где он реально живет, отталкиваясь от которых или домысливая, заостряя некоторые черты, он строит свой идеальный, совершенный образ. По эволюции таких мечтаний можно судить о личностных изменениях, происходящих в ходе жизни человека. Также идеальный город является эталоном, с которым сравнивается (и не выдерживает сравнения) любой реальный город. Одной из первых фраз, с огорчением произнесенных Остапом Бендером в Арбатове, была, что этот город не Рио-де-Жанейро, а гораздо хуже. Рио-де-Жанейро, в который с детства хотел попасть Остап Бендер, был для него максимально нереальным городом и символом иной жизни, поскольку в доступной ему географической действительности мир заканчивался там, где волны Черного моря разбивались о крутой берег Шепетовки.

Реальный город переживается по-разному, в зависимости от того, как он связан с жизнью человека – либо это город, в котором человек постоянно живет, либо это город, в который человек попадает на время. Город, в котором человек оказывается ненадолго, от города повседневной жизни отличает свежесть чувств и переживаний. Для человека, попавшего в другой город, само появление там оказывается «актуальным событием», оно вырывает его из привычной обстановки и обеспечивает непосредственность впечатлений. Человек обращает внимание на такие аспекты городской реальности, мимо которых, не замечая их, проходит постоянный житель.

Интенсивность переживания города в этом случае прямо зависит от насыщенности городской культурной среды и от того насколько объективированные формы духовности данного города были усвоены человеком. Также степень «актуальности» такого события как попадание в другой город обусловлена похожестью или непохожестью этого города

на представления об идеальном городе, в той или иной форме имеющиеся у каждого человека.

От предшествующих городов город повседневной жизни отличает его привычность, граничащая с обыденностью и заурядностью, даже если это и необыкновенный город. В нем не замечается многое из того, на что сразу обращают внимание в незнакомом или малознакомом городе, поскольку само пребывание в нем событием не является. Переживания позитивные или чаще негативные (что связано с трудностью привыкания к новому в привычной среде) вызываются изменениями, происходящими в нем. Хорошей иллюстрацией этому может послужить первоначальное неприятие Эйфелевой башни парижанами и последующее тиражирование ее в качестве символа города.

Город повседневной жизни отличает также интимность переживаний. Человек переживает его как свое иное. У него есть любимые маршруты передвижения, «набор» любимых мест, с которыми связаны, как правило, значимые события жизни. При этом взрослый человек понимает, что, возможно, это далеко не лучший город, видит все его недостатки, но в какой-то мере все равно воспринимает его как часть себя. В подростковом и юношеском возрасте значимые места и маршруты охотно демонстрируются другим, служат средством, одновременно, для невербального выражения своего внутреннего мира («эти части города похожи на меня») и опознавательным знаком («если другому это нравится, значит, он свой»).

По-разному переживаются города, обладающие разной «толщиной» культурного слоя. Частотность упоминаний в «человеческих документах» городов с богатым культурно-историческим прошлым, конечно же, намного превосходит упоминание более молодых городов или городов, которым так и суждено остаться культурной провинцией на карте мира. Н.П. Анциферов называет великие города – «городами-остовами», через которые в далекие времена перекачивались волны различных культур и оставляли свои осадки на одном месте [8]. Эту закономерность можно рассмотреть на материале Флоренции. Г. Зиммель пишет, что духовный слой окружает этот город подобно астральному телу и обращает в ничто противоположность между природой и духом. По его мнению, здесь снимается противоречие между жизнью и культурой, характерное для современного предельно рационализованного мира, так как здесь «сама природа стала духом, не отказываясь при этом от себя» [9. С.87], и границы города являют собой границы искусства как такового.

Но какие же переживания испытывает современный человек в этом городе почти «непереносимой красоты», полном шедевров? Некоторую подавленность и чувство вины – свидетельствует П. Вайль и описывает существующий в психиатрии термин «синдром Флоренции», который обозначает нервный срыв от перенасыщенности городского пространства гениальными произведениями искусства. Бело-зеленый флорентийский мрамор, купола Брунелески, кампанила Джотто, средневековые башни на узких улицах и тесных площадях «размещены так, что с наблюдателя падает кепка, напоминая о необходимости смирения» [10. С.234]. Единственное средство спасения, на которое указывает П. Вайль, это попытка воспринять город как нечто более естественное, скорее природное, чем рукотворное, само собой выросшее из окружающего тосканского ландшафта.

К. Линч придерживается прямо противоположного взгляда. Он допускает, что поначалу люди могут воспринимать Флоренцию как холодный и отчужденный город, но они не могут отрицать наличия у нее мощной индивидуальности, обладающей специфической силой воздействия. Этот город вызывает глубокую привязанность у множества людей, привязанность эта может иметь не только культурно-историческое, но и личное содержание, так как образ города легко читается и отлично обзревается, и это зримое окружение становится интегральной частью повседневной жизни флорентийцев. Жить во Флоренции, считает К. Линч, – «значит, добавить жизненному опыту дополнительную глубину: чувства удовлетворения, меланхолии или причастности» [11], потому что простое, само по себе

возникающее чувство удовольствия, чувство присутствия и «правильности» способен вызвать даже лишь вид этого города, просто возможность пройтись по его улицам.

Однако Г. Зиммель настаивает, что в этом городе нельзя жить «неподготовленным» для него. Флоренция – не то место, где хорошо оказаться человеку в момент душевного кризиса, не то место, которое благоприятствует совершению жизненного выбора. По Г. Зиммелю: «Флоренция – это счастье полностью зрелого человека, обретшего сущность жизни или сознательно отказавшегося от нее и желающего лишь найти форму для этого обладания или отречения» [9. С.92]. По этим нескольким вышеперечисленным «человеческим свидетельствам» видно, насколько мощный поток переживаний и ассоциаций порождает Флоренция, хотя, по современным меркам – это достаточно небольшой по площади и по численности населения – всего лишь полмиллиона жителей – город; насколько сильны и значимы смыслы и ценности, содержащиеся в его аксиологической сфере.

Градостроители определяют избыточность и сложность архитектурной среды как фактор ее эмоционального воздействия. Архитектурные образы несут сложный комплекс значений, часть которых сохраняет связь с прошлым города: с его создателями (творцами) и с теми, для кого он создавался (обитателями), – в них опредмечены отношения людей, ранее населявших город. А в новых микрорайонах современных городов, где архитектурная среда недостаточно разнообразна и представлена множеством однотипных домов с еще большим количеством одинаковых квартир с невысоким уровнем комфорта, у специалистов, занимающихся городской экологией, появился термин – «грусть новых городов», который описывает синдром повышенной заболеваемости жителей новостроек и увеличение частотности проявлений угнетенно-депрессивных состояний [12]. Так люди реагируют на однообразную, лишенную сенсорных впечатлений среду, на оторванность от прежних мест обитания, на разрыв связи со значимым до этого окружением. Массовая застройка несоразмерна человеку, она не учитывает его нужду в зрительных впечатлениях, не удовлетворяет информационную потребность, человек не переживает сугубо функциональную, лишенную смысла среду. Сфера переживаний таких новых городов/микрорайонов бедна и неразвита.

Культурная среда, аксиологическая сфера города складывается в результате индивидуальных и совместных усилий горожан. Для города, в котором человек живет, актуальным событием является нарастание культурного слоя. Писатели, художники воплощают в произведениях свое переживание города, обогащая сферу переживаний горожан. Х.-Г. Гадамер отмечает, что эстетическое переживание репрезентирует саму суть переживания вообще, указывает на свойство художественного произведения вырывать человека из последовательности его жизни и, одновременно, открывать связь со всей целокупностью бытия, давать возможность постигать смысловую целостность жизни [1. С.114].

В XX веке, на мой взгляд, самое интимное переживание города, отображенное в живописи, удалось передать М. Утрилло. Париж – центральная и единственная тема его творчества. Монмартрский холм, парижские улочки и тупики, Сакре-Кёр, Мулен Руж и Сен-Дени в его картинах наделены таким обаянием и обладают такой трогательной ненастойчивой притягательностью, что делают этот город для зрителя близким, понятным и «своим». А. Моруа, А.Н. Бенуа, Ж. Кокто свидетельствовали о том, что они порой невольно смотрят на окружающее «через Утрилло», и однообразные непритязательные кварталы, крутые унылые улочки, облупленные дома преображаются и наполняют душу предощущением смысла. Ж. Кокто, неоднократно наблюдавший за работой Утрилло, видел, что он работает как одержимый, сверх всякой меры, «пытаясь выжать из себя душу, как краску из тюбика, и вложить ее в картину, на которой точно срисованная с природы улочка преображается настолько, что мы видим в ней его самого, Утрилло, – он уходит от нас в вечность этими улочками Монмартра, им заново созданными» [13].

Переживания города сложны, субъективны, подчас амбивалентны: город, одновременно, и пугает, и притягивает. Можно предположить, что амбивалентность переживаний порождается наличием оппозиционного отношения человека к «своему» и к «чужому»

городу. Причем, необязательно эти характеристики свой/чужой совпадают с конкретной территориальной принадлежностью человека. Можно не жить постоянно в городе, но при этом считать его своим, можно внутренне не принимать город, в котором живешь, и относиться к нему как к чужому. Городскую территориальную идентичность формируют переживаемые и осознаваемые смыслы, запечатленные в городском ландшафте и сохраняемые городской культурой. Урбанистические идеалы, мифы и метафоры делают возможным существование некоего своеобразного нового переживаемого измерения – субъективной социально-психологически-географической городской реальности, в пространстве которой происходит разделение территории на свою и чужую. «Чужой» город либо завоевывают, либо покидают, в «свой» город – всегда возвращаются, возвращаются, несмотря на то, что возвращение может оказаться болезненным.

В классической работе Ю.И. Левина «О. Мандельштам. Разбор шести стихотворений» отмечается, что сквозная тема боли, внефабульно проходящая через весь текст стихотворения О. Мандельштама «Ленинград», сочетается с темой детства, одними из основных переживаний которого являются незащищенность и ранимость. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухших желез. / Ты вернулся сюда, так глотай же скорей / Рыбий жир ленинградских речных фонарей». Возвращение в город приводит в действие механизм временного сдвига из взрослого в детское состояние. «Амбивалентная семантика: возвращение в знакомый до слез город описывается через неприятную процедуру глотания рыбьего жира; вообще – радость возвращения одновременно оказывается и болью» [14]. Затем напрямую следует пронзительное обращение поэта к городу, обращение-заклинание: «Петербург, я еще не хочу умирать: / У тебя телефонов моих номера. / Петербург, у меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса».

Это стихотворение было написано в декабре 1930 года, а в 1974 году вдова поэта, Н.Я. Мандельштам, в беседе с С. Монасом будет называть свой бывший город кладбищем, мавзолеем [15], безусловно, испытывая к нему амбивалентные чувства. Несколько в ином аспекте темы Петербурга-Некрополя касается М.С. Уваров в парадоксальной формуле: «Русский поэт всегда умирает в Петербурге, даже если он умирает в Париже» [16]. М.С. Уваров находит у Петербурга некоторое метафизическое предназначение – быть усыпальницей русских поэтов, эта интенция достаточно часто отражается петербургским текстом русской культуры и занимает в нем достойное место. Для некоторого снижения трагедийного пафоса этой темы и возвращения из метафизического измерения в повседневное можно заметить, что эта «погостно-мавзолеевая» метафора вписывается и в такой живой жанр городского фольклора как анекдот. В одном из ранних стихотворений И. Бродского есть фраза: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать / На Васильевский остров я приду умирать...» С. Довлатов в записных книжках «Соло на ундервуде» обыгрывает ее таким образом: когда их общего знакомого спросили, где живет И. Бродский, он ответил: «Где живет, не знаю. Умирать ходит на Васильевский остров».

По мнению некоторых писателей и поэтов, город способен не только порождать переживания, но и сам их испытывать. К примеру, И. Бродский объясняет, что «Городам, Теодора, тоже свойственны лишние мысли, желанья счастья, плюс готовность придраться к оттенку кожи...» [17]. Л. Лосев, исследователь творчества И. Бродского, отмечает, что «во всяком случае, город под пером Бродского испытывает те же ощущения, что и лирический персонаж, – озноб, болезнь, любовь, желание быть оставленным в покое» [18]. Р. Барт в статье «Семиология и градостроительство», признаваясь в двойной любви – к городу и к знакам, говорит, что эта двойная любовь поддерживает его веру в возможность построения такой научной дисциплины как семиотика города, и в этой же статье находит у города измерение, которое недостаточно принимается в расчет градостроителями. Он называет его чувственным измерением, употребляя понятие чувственности в самом широком смысле. Две основные стороны этого измерения – это чувственные ощущения горожан и чувственность, присущая самому городу, по мнению Р. Барта, она содержится в крайне метафорической природе речи города [19].

Обращают на себя внимание два основных аспекта переживания: *реактивный* и *активный*. В первом случае, переживание характеризуется как эмоционально-окрашенное состояние субъекта, обусловленное воздействиями внешних факторов. При таких обстоятельствах – «переживать» — значит позволить воздействовать на себя чему-либо, прожить или испытать нечто» [3. С.218]. Человек здесь – «существо претерпевающее». Аристотель различает два значения претерпевания и связывает их с категориями возможности-действительности: «И претерпевание имеет не один смысл, а оно означает, во-первых, уничтожение одной из противоположностей другой; во-вторых, скорее сохранение сущего в возможности сущим в действительности» [20]. По отношению к городу это положение можно пояснить следующим образом: город, безусловно, содержит в себе совокупность возможностей как формальных, так и реальных, но, реализуя в своем выборе одну из них, человек делает невозможными остальные, действительно сущей сохраняет одну. Например, при выборе города, в котором он будет жить, человек тем самым отказывается от формальных или реальных возможностей жить в других городах в этот отрезок времени своей жизни.

В «Божественной среде» П. Тейяр де Шарден развивает мысль о страдании/претерпевании Аристотеля и рассматривает человека как существо по своей природе двойственное: и активное, и пассивное, одновременно. Человек способен активно изменять некоторые стороны своей внутренней жизни и окружающего его мира, но в то же время он открыт миру, и испытывает его многообразные влияния, претерпевает их. Человек не всегда субъект, не всегда активное и действующее существо, зачастую он выступает «человеком страдающим». В жизни есть действие, но есть и пассивность, претерпевание. И того, что действует на человека, гораздо больше. Совокупность всего осязаемого, ощутимого, материального содержащегося в объективной реальности города воздействует на горожанина. Он в большей мере испытывает на себе воздействие, чем способен преобразовать его, человек в большей степени «получает» город, чем «создает» его. Но, одновременно с этим, для создания/преобразования чего-нибудь обязательно наличие той универсальной среды, которая сделает это возможным.

В соотношении «горожанин – город» человек включен как часть в целое, соотносится с ним как меньшее с большим. Город превосходит человека и по своим пространственным, и по своим временным характеристикам. Даже если этот человек гений и надолго переживает время в своих произведениях, в городе творят и другие авторы: Петербург – город не только Пушкина, но и Гоголя, Достоевского, Блока – ряд перечисления можно продолжить по желанию. В повседневной жизни город частично задает и ограничивает форму и тип активности горожанина. Например, тесные пределы маленького города ставят ограничения передвижению, кругу общения и социальной мобильности в целом. Житель большого города, при все возрастающей интенсивности жизни и плотности взаимодействия людей, сам сокращает часть своих контактов, чтобы избежать когнитивной перегрузки.

Во втором случае, переживание – особый тип активности, направленный на преобразование психологического мира. Этот аспект разрабатывается Ф.Е. Василюком в монографии «Психология переживания». Он описывает переживание как экстремальный жизненный процесс, борьбу против невозможности жить, дает предельно широкое определение понятия переживания как внутренней работы по принятию фактов и событий жизни; усилий, направленных на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием. Также, по мнению Ф.Е. Василюка, переживание есть ответ на ситуацию невозможности, бессмысленности, на ситуацию, в которой человек не может реализовать значимую для него потребность [21]. Через всю пьесу А.П. Чехова «Три сестры» лейтмотивом проходит фраза: «В Москву, в Москву...», героиням пьесы кажется, что именно там настоящая, полная смысла жизнь, которой они лишены в провинциальном захолустье.

Другой не менее критической ситуацией является ситуация «сверхвозможности». Она характеризуется избытком возможностей, которые уже не уместятся в конкретную

цель, не исчерпываются конкретными действиями. Такая ситуация тоже порождает кризис смысла. Если домыслить «справедливый» финал «Золотого теленка», в котором Остап Бендер все-таки попал бы в город его мечты – Рио-де-Жанейро – город мулатов, миллионеров, где нет разногласий с советской властью, которая хочет строить социализм, а Остап Бендер находит это скучным занятием, где «полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах» [22], то можно предположить, что какое-то время он переживал бы острое разочарование, вызванное достижением практически невозможной цели. Кроме того, реальный город отличается от города-мечты именно теми чертами, которые были особенно значимы для Остапа, белые штаны были не предметом гардероба, а символом вольной жизни. В этой связи интересно замечание П. Вайля о том, что «Рио – голый город» и никто не фланирует по набережной в белых штанах, так как самой популярной одеждой там являются купальные костюмы, а майка с шортами воспринимается почти как смокинг [10. С.218].

Такие «городские ситуации» невозможности и сверхвозможности порождают кризис смысла и соотносимы с «пограничными ситуациями» экзистенциализма, так как в них человек ощущает неподлинность своего бытия, одиночество и тоску по какой-то другой жизни в ином месте. Эта тоска не дает замкнуться в ограниченности своего мира, она толкает человека на поиск ясности и, может быть, наряду с удивлением является тем чувством, которое ведет к философской рефлексии.

Насыщенность аксиологической сферы города и человеческая потребность в обретении смысла порождают переживание города, которое существует в неразрывной связи с индивидуальными субъектами, создающими и воспроизводящими значения, смыслы и ценности городской культуры.

Библиография

1. См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
2. Хилл Т.И. Современные теории познания. – М.: Прогресс, 1965. – С.263-264.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
4. Федяев Д.М. Бытийный импрессионизм лирики Александра Блока. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 3.
5. Михайлов И.А. Переживание // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 218.
6. Дильтей В. Сущность философии. – М.: Интрада, 2001. – С. 66.
7. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 4.
8. Анциферовы Н. и Т. Книга о городе. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. – С. 16–17.
9. Зиммель Г. Флоренция // Логос. – М., 2002. – № 3–4.
10. Вайль П. Гений места. – М.: Независимая газета, 2000.
11. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – С. 87.
12. Дридзе Т.М. Социально-диагностическое исследование города // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – №1. – С. 98.
13. Чит. по: Морис Утрилло. К портрету художника. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – С. 190–191.
14. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 24.
15. См.: Монас С. Воображаемый город // Нева. – СПб., 1992. – № 5–6.
16. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 172.
17. Бродский И.А. Форма времени. В 2-х тт. – Минск: Эридан, 1992. – Т. 2. – С. 156.
18. Лосев Л. Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского // Иностранная литература. – М., 1996. – № 5.– С. 232.
19. См.: Барт Р. Семиология и градостроительство // Современная архитектура. – Париж–М., 1971. – № 1. – С. 10.
20. Аристотель. О душе. – 417 b // Аристотель. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 406.
21. См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
22. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 259.